

Майя Лавринович

От любви к разочарованию: выражение чувств как средство коммуникации между графом Н.П. Шереметевым и А.Ф. Малиновским (1800-е годы)

From Love to Disappointment: The Expression of Feelings as a Means of Communication between Count Nikolai Sheremetev and Aleksei Malinovskii in the First Decade of the Nineteenth Century

The article explores the role of the emotions transmitted in the correspondence between Aleksei Fedorovich Malinovskii (1762–1840) and Count Nikolai Petrovich Sheremetev (1751–1809) in the 1800s. They exchanged correspondence intensively for years on business matters concerning Sheremetev's Moscow household but in fact their reciprocal involvement in each other's personal affairs ran much deeper. This connection implied that their relationships, not sealed with any agreement, rested on the feeling of trust between them. An embezzlement scandal surrounding the construction of Sheremetev's Almshouse in Moscow shook their relationship, and their correspondence from that moment onwards reveals a lack of trust. This situation caused them to reconsider their relationship. The original "love" and "affection" were replaced with melancholy and neutral "inclination" to transmit emotional reactions and states that were believed to be suitable for epistolary exchange.

Интенсивная переписка между графом Николаем Петровичем Шереметевым (1751–1809) и чиновником Архива Коллегии иностранных дел в Москве Алексеем Федоровичем Малиновским (1762–1840) охватывает приблизительно десятилетие: начавшись на рубеже 1800-х годов, она продолжалась до конца жизни Шереметева. При этом в течение почти четырех лет (1802–1805) Малиновский писал Шереметеву каждую почту, иногда по

несколько писем. Поводом для такого частого общения были обязанности Малиновского, руководившего строительством Странноприимного дома графа Шереметева в Москве начиная с 1802 года. Письма Малиновского, отправленные в Петербург, сохранились в фонде Шереметевых в РГИА; там же находятся черновики некоторых писем Шереметева к нему, написанные секретарем под диктовку.

Некоторые черновики содержат поправки рукой графа¹. Как показывают исследователи, переписка раннего Нового времени играла гораздо более значительную роль, чем было предусмотрено эпистолярным каноном (обсуждение текущих дел и семейных проблем, выражение дружбы, реже – любви, научная информация). Письма в эту эпоху стали еще и средством самоидентификации и саморепрезентации, особенно для литераторов и ученых, желавших таким образом сделать публичным и в конечном счете увековечить свой образ (Houdt, Paru 2002: 3). В других работах я анализировала переписку Малиновского и Шереметева с точки зрения интерпретации ее участниками своих отношений друг с другом (дружба vs. покровительство) (Лавринович 2016) и ее роли в формировании социокультурной идентичности Малиновского (Лавринович 2020b). Для обширной переписки, в которой письма Малиновского занимают 9/10 всего объема, характерна неизменная демонстрация преданности, верности, доверия, привязанности обоих

¹ Сделанные внуком Н.П. Шереметева графом С.Д. Шереметевым копии отдельных документов хранятся в фонде Шереметевых в РГАДА (ф. 1287).

корреспондентов друг к другу, выражавшаяся через эмоционально окрашенные высказывания. Уровень эмоционального «накала» писем порой очень высок. Он создает впечатление особой близости корреспондентов, что порой приводит к ложному представлению как об их личных отношениях, так и о стоявшей за ними социальной реальности. Как отмечала Шэрон Киттеринг, зачастую исследователи позволяют языку писем ввести себя в заблуждение, отождествляя политическую реальность отношений с бурной риторикой, в которую они облакались. В ней присутствуют элементы мифа и гиперболизации, поэтому нужно полагаться не на декларации или теоретические трактаты, а на действительное поведение, чтобы не путать экспансивную риторику с политической реальностью (Kettering 1986: 22)².

² Так, С.Р. Долгова пишет о “дружеском расположении” и “дружеских отношениях” и А.Ф. Малиновского, и его отца протоиерея Ф.А. Малиновского с Н.П. Шереметевым и его супругой П.И. Шереметевой (Долгова 1992: 211, 213); а также называет княгиню Е.Р. Дашкову – корреспондентку Малиновского – его другом на том основании, что их сблизил “любовь к театру” (Долгова 2002: 12, 96). См. о Малиновском, Дашковой и театре: Lavrinovich 2018: 21–25.

Киттеринг исследовала социально-политический контекст этой риторики: систему патронажа во Франции XVII века. Двумя десятилетиями позднее Барбара Розенвайн исследовала ту же риторику в другой эпистемологической рамке – истории эмоций, в которой социальное занимает значительное место³. Эмоционально насыщенные формулировки в источниках, согласно теории Розенвайн, зачастую представляют собой лишь топоры, которые свидетельствуют вовсе не о чувствах, а лишь о языковых конвенциях. Они представляют собой клише, имеющие мало отношения к сердечной привязи или радости. Сами эти клише тоже являются историческим продуктом, будучи подвержены изменениям, которые указывают нам на меняющийся статус тех или иных эмоций. В связи с этим особое значение приобретает релевантный исторический контекст употребления этих клише, что позволяет избежать отождествления норм, описанных в советах по этикету, с эмоциональными нормами вообще (Плампер 2018: 92,

³ В ее теории эмоциональных сообществ есть “что-то от ‘дискурса’ Фуко, ‘габитуса’ Бурдьё и ‘эмотивов’ Редди” (Плампер 2018: 112–113).

113–115). Применительно к России XVIII–XIX веков устоявшуюся, особенно в истории литературы, концепцию “открытия чувств” подвергает пересмотру Катриона Келли. Культ чувствительности медленно завоевывал себе место на русской почве, а представление о том, в каких контекстах допустимы проявления чувств, менялось с конца XVII по XIX век (Келли 2010: 55).

В моей работе, сопоставляя эмоциональные высказывания корреспондентов и соотнося их с событийной канвой на фоне культурных моделей эпохи, я показываю, как за письменным высказыванием скрывались переживания и реакции на события, имевшие место в отношениях между чиновником, сыном московского священника Малиновским и графом Шереметевым – аристократом и самым состоятельным человеком в России (Lieven 1992: 38). Культурная модель, на которую ориентировался Малиновский, не была близка ни к той, на которую ориентировалась образованная дворянская молодежь (источником которой была “высокая литература небытового плана”, по словам Ю.М. Лотмана), ни к “символической модели чувств” мос-

ковских розенкрейцеров, в университетском кружке которых Малиновский состоял по окончании гимназии при Московском университете. Наиболее близка Малиновскому оказалась придворная модель поведения (Зорин 2016: 22, 25; Lavrinovich 2018: 8–9). Характерные черты этой модели особенно хорошо видны в ее лирическом воплощении. В нем взаимоотношения между патроном и его клиентом структурировала специфическая “поэтика патронажа”, выразителем которой был старший современник Малиновского статс-секретарь Екатерины II Василий Степанович Попов (1746–1822). Практика патронажа порождала стилистические инновации в лирике и риторически подчеркивала взаимозависимость патрона и клиента с помощью дискурсов дружбы, социальной общности, добродетели и общего блага (Golburt 2015: 48, 61–62). Анализируемый здесь эпистолярный показывает, как эти дискурсы задействовались на уровне повседневного общения.

Распространению образцов риторики среди образованного слоя служили письмовники. Русские письмовники, хотя и представляли собой переводы и компиляции французских

пособий, до конца XVIII века полностью обходили ряд тем, подробно разработанных в их французских источниках: не только галантные и любовные письма, но и дружескую переписку. Собственно, раздел дружеских писем в письмовниках XVIII века существовал, но входившие в него письма ни функционально, ни в стилевом отношении не отличались от других писем. Они так же делились на просительные, выражающие соболезнования, просьбу о совете и пр. (Дмитриева 1986: 548, 552). Язык, которым написаны письма Малиновского к Шереметеву, укоренен в специфической “риторике клиентелизма”, где за видимой любезностью и предупредительностью скрывается холодная и тяжелая реальность человеческих амбиций, поскольку источником языка “учтивости” (*politesse, politeness*) были отношения “хозяин-слуга” (Kettering 1986: 22). Письма Малиновского к Шереметеву полны рекомендованными “учтивостями”⁴,

⁴ Например: “Не умею довольно возблагодарить за благосклоннейшие отзывы, которых удостоиваете меня в письме вашем, я имел честь получить это вчера к сердечному моему спокойствию и к удовольствию душевному, одно только потревожило меня что здоровье ваше не лучшее и со-

которые, по определению одного из писемников, “хотя ничего не значили, но были приятны Господину, которой за удовольствие себе почитал одно получение ответа” (*Всеобщий секретарь*: ХХІХ). Ориентация на образцы была обязательна для формирования стиля *honnête homme*, на который ориентировался Малиновский в создании своего нового жизненного стиля как дворянина и душевладельца.

Для анализа я разделю переписку Малиновского и Шереметева на два периода: до конфликта между ними, пик которого пришелся на зиму 1806–1807 годов, и во время и сразу после конфликта, в 1807–1808 годах. Письма первого и второго периодов противоположны друг другу по своей эмоциональной окрашенности, однако языковые клише в основном сохраняются, приобретая иную функцию. В 1805 году до Шереметева стали доходить устойчивые слухи о воровстве в его московской домовой канцелярии, а весной 1806 года к нему поступил многостраничный донос о злоупотреблениях (Донос 1806)⁵. Шереметев вызвал Ма-

линовского в Петербург, однако не отстранил его от управления, но решил устранить сам: в обширной записке, адресованной близкому к императору Александру I лицу – Дмитрию Прокофьевичу Трощинскому (1749–1829) в самом конце 1806 или начале 1807 года, Шереметев поведал ему о злоупотреблениях Малиновского с помощниками на строительстве и сообщил, что передает свою должность попечителя другому лицу по выбору императора (Записка 1807: л. 21). Эта затея не осуществилась: никто из имперской элиты не захотел принять на себя эту ношу (Письмо 1807г: л. 9–10; Письмо 1807е: л. 23; Письмо 1807и: л. 5–6). Выстроенный дом стоял несколько лет без всякого использования, приходя в негодность. Как учреждение призрения, он открылся через год после смерти Шереметева, в 1810 году, причем его главным смотрителем остался Малиновский (Лавринович 2016: 104). Переписка между ним и Шереметевым, достигнув пика эмоционального напряжения в начале 1807 года, не прервалась полностью, несмотря на случившееся, но стала менее интенсивной в последние годы жизни Шереметева.

***

держит вас в таком принудительном положении”. (Письмо 1802а: л. 1).

⁵ См. подробно об этом: Лавринович 2016: 101–103.

Чувства порождают эмоциональное содержание деловой, с точки зрения своих задач, корреспонденции между Малиновским и Шереметевым. В основе писем первой группы лежит чувство *доверия*. Доверие, как утверждает Джеффри Хоскинг, во всех своих проявлениях: чувство, позиция, отношения, – подразумевает социальный контекст, будучи связано с поведением и действием или потенциалом для действия. Доверие как чувство – это ощущение, что ничто не угрожает и человек волен поступать как пожелает⁶. Таким образом, оно сродни ощущению надежности и безопасности. Однако это чувство – бессознательное, выходящее на поверхность только в том случае, если какое-то неожиданное событие пробудит элемент *недоверия*. Тогда недоверие будит неуверенность, подозрения, дурные предчувствия, страх, ощущение несвободы. Эти два противоположных состояния социокультурно детерминированы, но вместе с тем они и глубоко личные чувства (Хоскинг 2016: 43).

⁶ О доверии как чувстве см.: Хоскинг 2016: 43 (“One feels safety and security in the sense that there is no threat, that one is free to act as one wishes”, цит. по: Hosking 2014: 27)

В переписке Малиновского и Шереметева чувство доверия позволяет корреспондентам каждый раз преодолевать социальный разрыв между ними (аристократом и поповичем по происхождению), устанавливая особый эмоциональный регистр переписки. Доверие, которое внушал Шереметеву Малиновский, основывалось не только на прочных личных связях, возникших еще при жизни старого графа – Петра Борисовича Шереметева (1713–1788), с отцом Алексея Малиновского протоиереем Федором Авксентьевичем Малиновским (1732/37?–1811) и продолжившихся в следующем поколении⁷. Если связи графа

⁷ В жизни гарантией преданности Малиновского служили многолетняя вовлеченность не только его самого, но и его отца-протоиерея Федора Авксентьевича, а затем и брата Павла Федоровича в семейные дела графа. О том, как священник Малиновский стал духовником старшего Шереметева, неизвестно, но об этом упоминают: Виноградов, Березовский 1910: 8, 17; Орлов 1844: 58–59, Долгова 2002: 100. В течение 1800-х годов Шереметев через протоиерея Малиновского выплачивал по 300 рублей в год священнику и дьякону церкви, где происходило бракосочетание Шереметева и его бывшей крепостной Прасковьи Ивановны Кузнецовой (Ковалевской) за соблюдение “секрета”, причем и А.Ф. Малиновский присутствовал на венчании (Письмо 1808в: л. 16–17).

Николая Петровича Шереметева со старшим Малиновским были духовного свойства, и к советам своего духовного отца он прислушивался⁸, то доверие, которое он питал к его сыну, хотя и коренилось в семейных связях, но держалось в том числе и на умении Алексея Малиновского писать письма. В культуре Просвещения безупречный стиль письма считался признаком высоких моральных качеств⁹, а многолетняя практика переводов и опыт службы секретарем архива (Lavrinovich 2018: 8, ц, 23) сделали стиль его настолько убедительным, насколько это было необходимо, чтобы доверие графа к нему оставалось практически безграничным. Сам Малиновский высоко оценивал степень доверия, которой он обладал у графа: так, о своих семейных проблемах – например, об устройстве дел своего единокровного брата Якова Петровича Реметева (1775–1842/5?) –

---

⁸ Например: “Батюшке свидетельствую совершенное почтение и прошу не забыть меня в своей памяти и дружбе, которыми я дорожу” (Письмо 1802б: л. 2 об.)

⁹ Этой идее подчинено сочинение Х.Ф. Геллерта: Christian Fürchtegott Gellert, *Briefe, nebst einer praktischen Abhandlung von dem guten Geschmacke in Briefen*, Johann Wendler, Leipzig, 1751.

Шереметев говорил с ним “с искренностью сердечною” (Письмо 1805а: л. 42).

Как видно из писем Шереметева, чтобы выразить свое доверие Малиновскому, он использовал другие означающие, прежде всего “любовь”. Так, в августе 1803 года Шереметев, несмотря на возникшие у него сомнения, выражал уверенность в преданности Малиновского. Кажется, он даже испытывал чувство вины за то, что позволил себе заподозрить своего преданного слугу в корыстных поступках: “Усердно прошу никак мою *чистосердечность* не подозревать между нами [...] уверяя непоколебимо в честных правилах души вашей [...] *доверяю* почитанию истинному и чести вашей и тому удовольствию *любить вас* душевно – вот единые правила, которые меня навсегда своими сопрягли [...]” (Письмо 1803б: л. 69)¹⁰. Для Малиновского же “любовь” служила средством выразить свою преданность, лояльность: “С такою же чистою совестью, как пред олтарем [так в документе] Божиим повторю и вам, что поклялся на всю жизнь мою любить вас, почитать вас и усердствовать вам от всей души моей, по-

---

¹⁰ Курсив в цитате мой. – М.Л.

свящая все возможности мои на исполнение вашей воли” (Письмо 1805б: л. 142 об.). Любопытно, что свою связь с Шереметевым он уподобляет браку и упоминает даже брачную клятву (“как пред олтарем Божиим [...] поклялся”). Свои чувства к Шереметеву он именует “нелицемерной привязанностью” (Письмо 1803а: л. 17 об.).

Доверие – часть социального капитала индивида, не истощающаяся при использовании, а наоборот, обладающая способностью к самонаращиванию (Хоскинг 2016: 58). Именно эта особенность доверия как чувства позволяла Малиновскому не только быть хорошим исполнителем повелений графа, но и как будто угадывать, а на самом деле – формировать и формулировать пожелания Шереметева, касавшиеся деятельности его московской домово-канцелярии и строительства Странноприимного дома. Чувства выполняют коммуникативную функцию, служа средством передачи сообщения. Прежде всего это касается непосредственного, телесного, языка (Юханнисон 2011: 15). В переписке Малиновский и Шереметев должны были прибегать к языковым клише или к эмблематическим высказывани-

ям, заимствованным из литературы или письмовников. Между ними создавалось коммуникативное пространство, в котором смешивались два дискурса: иерархического подчинения и сердечности, – а любовь и преданность превращалась в обязанность, но порожденную не внешним требованием, а внутренним побуждением: “Почитать, любить вас всею душою и быть вам преданным есть и будет приятнейшею обязанностию моею”, писал Малиновский Шереметеву в конце 1804 года (Письмо 1804: л. 8 об.). Уте Фреверт описывает подобный феномен применительно к отношениям между королем Фридрихом II и его подданными. Абсолютизм стал “просвещенным”, когда подданные “узнали”, что могут не только быть покорными своему государю, как дети – отцу, но и любить его, причем не “холодно” и “механически”, а из глубины сердца (Frevort 2013: 235–236)¹¹. Разделяемые государем и подданными любовь, доверие, сострадание и вели-

¹¹ Описанный Фреверт поворот находился в русле антимаккиавеллистских убеждений, присущих Фридриху II в ранние годы правления. Согласно этой доктрине, одной из главных черт успешного правителя была способность обрести любовь подданных.

кодушие, составляющие человечность как качество, позволяли, хотя и с ограничениями, преодолевать социальную и политическую иерархию. Однако любовь подданных породила и притязания, требуя от монарха некоторой “подготовительной работы” (Frevert 2013: 249–250). Так же и Малиновский, пользуясь, с одной стороны, “любовью” Шереметева, а с другой, ослаблением его внимания к строительству Странноприимного дома после смерти супруги в феврале 1803 года, настаивал на выполнении своих условий (обрамляя свои требования риторикой заботы о благополучии графа или жалобами на свое здоровье), среди которых – назначение конкретных лиц ему в помощники, собственный кандидат на должность главного врача Дома и выбор чиновников для него, поскольку открытие Дома, казалось, уже не за горами.

Для понимания того, что стоит за феноменом “любви” в переписке между представителем имперской элиты и человеком, находящимся значительно ниже на лестнице социальной иерархии, обращусь к примеру из переписки, имевшей место двадцатью годами ранее между графом Александром Романовичем

Воронцовым (1741–1805) – одним из влиятельнейших сановников Российской империи последней трети XVIII – начала XIX века – и бригадиром в отставке Алексеем Степановичем Дьяконовым (1734–1789). В письмах Воронцова бросается в глаза искренность и открытость, которых, кажется, нельзя ожидать от искусственного политика и придворного. С помощью своих писем, проявляя, с одной стороны, интерес к повседневным занятиям, здоровью и заботам Дьяконова, он, с другой стороны, создавал зеркальный рассказ о себе, например: “О себе уведомляю, зная сколь вы дружески при[ни]маете участие во всем до меня касающемся, что я приехал сюда 17 сентебря” [так в документе] (Письмо 1785б: л. 4); “О себе скажу вам, что я здоров и дорогу выношу без затруднения и тягости” (Письмо 1786а: л. 14); “О себе доношу, что я сюда притащился тому несколько дней и надеюсь завтра выехать и поплыть к столице, ибо дороги крайне испортились” (Письмо 1786б: л. 15) и т.д.

С помощью такого приема он создавал ощущение равенства между корреспондентами и уравнивал чувства, связывавшие их друг с другом: “Желаю вам здоровья, веселья

и продолжения вашей дружбы к себе. Я же остаюсь навсегда преисполненным оною к вам” (Письмо 1786в: II об.). При этом его корреспондент Дьяконов далеко не был уверен в чувстве, которое их связывало между собой, а значит, и в их “равенстве”: “[почта доставила] почтеннейшее ваше письмо, преисполненное всеми знаками добротства, милостей, и даже, как вы сами называете изволите, и дружбы вашей” (Письмо 1788: л. 20)¹². Каждое свое письмо Воронцов заканчивал уверениями в дружбе и любви: “скажу вам старое, что я вас искренно люблю и что вы во мне имеете и друга, и искреннаго почитателя”; “писатель сего вас нежно любит и рад будет вас видеть” (Письмо 1785а: л. 3 об.; Письмо 1786б: л. 15). О том, что такие признания не были необычными для эпистолярного стиля Воронцова, свидетельствуют его слова о другом его протеже – Александре Николаевиче Радищеве, в письме к его начальнику – директору таможен Петербургской губернии Герману Юрьевичу Далю (1722–1789) в 1784 году: “вы знаете, сколько я его люблю и во всем, что до него касается, участие принимаю”

¹² Курсив в цитате мой. – М.Л.

(Старцев 1990: 217). Для Воронцова “любовь” была неотъемлемой частью покровительства, которое он оказывал своим корреспондентам Радищеву и Дьяконову. “Принимать участие” в их судьбе, карьере, благополучии он мог только внося эмоциональность определенного рода: “всякий раз, когда лишен беседы вашей лично, по крайней мере беседа на письме с вами мне делает приятность”, писал он Дьяконову (Письмо 1786г: л. 9). По всей видимости, эта культурная практика, на которую ориентировался также и современник Воронцова Шереметев, была важной составляющей отношений с теми, кто стоит ниже по социальной лестнице. Разделяемые обеими сторонами чувства позволяли – по крайней мере, риторически – стирать социальные границы.

***

В основе переписки Малиновского и Шереметева второго периода лежит чувство разочарования. После пережитого обоими корреспондентами потрясения в связи с хищениями на строительстве Странноприимного дома и растратой в московской канцелярии графа, возглавлявшейся Малиновским (Лавринович 2016: 102–104), тональность писем

последнего меняется. Весной 1806 года, когда тучи только начали сгущаться над головой Малиновского, он пишет, что находится в “унынии”, которое он счел “преддверием мрачного и хладного гроба” (Письмо 1806а: л. 60). “Уныние” – одно из именовании меланхолии в XVIII века. Она приходит у него на смену безмятежности, основанной на уверенности в себе самом и в доверии своего патрона. Это единственный известный мне случай из обширнейшей переписки Малиновского, когда он берет на вооружение этот концепт. Почему он находит его здесь уместным? Во второй половине XVIII века чувствительность стала классовым признаком, а в обществе начали складываться правила употребления системы эмоциональных знаков. Таким образом, чувства становились отличительными признаками социального статуса, делая индивида тем, кем он хочет быть (Пьер Бурдьё) (Юханнссон 2011: 15)¹³. Малиновский,

---

¹³ Люди, связанные друг с другом средствами коммуникации, но никогда не встречавшиеся друг с другом (в случае Шереметева и Малиновского – встречавшиеся крайне редко), образуют, согласно теории “эмоциональных сообществ” Б. Розенвайна, “текстовые сообщества” (*textual*

прибегнув к необычному для него концепту меланхолии, пытается с помощью культурных механизмов сократить начавшуюся вновь увеличиваться дистанцию между собой и своим патроном, напомнить об их социальной близости (как дворян и душевладельцев), апеллируя к общему культурному знаменателю. Меланхолия сложно поддается определению: это сумма настроений и состояний, которые по-разному проявляются, хотя, как форма психического страдания, имеют общие признаки: апатия и скука, чувствительность и нервность, усталость и психическое выгорание. Все они отражают специфику восприятия внешнего мира, поэтому в основе меланхолии – утрата чего-либо (Юханнссон 2011: 20–22). Для Малиновского это, конечно, утрата “любви” Шереметева. Если следовать культурному канону, то Малиновский должен был испытывать “отчаяние от беспомощности и безразличия, безнадёжность и вялость”; при этом

---

communities), в отличие от “социальных сообществ” (*social communities*). В них эмоции и служат средством коммуникации (Плампер 2018: 112–113), что мы видим на примере Малиновского и Шереметева.

нет аппетита, руки-ноги не двигаются, все функции нарушены. Периодически это вялое состояние взрывается приступами страха или гнева, неожиданными, похожими на бегство, поездками или беспробудным пьянством. В таком проявлении акедия [уныние] граничит с болезнью (Юханнисон 2011: 85–86).

Однако Малиновский не упоминает в письмах Шереметеву 1806–1808 годов об этих физических проявлениях. Он пишет о своих “душевных чувствованиях” и просит прощения: “Простите, в чем я виноват пред вами был, хотя вины мои вы скрыли предо мною, но я и за неведомыя мне [вины] с признанием ради имени божия прошу прощения у вас” (Письмо 1807а: л. 1 об.). Тем не менее “любовь” по-прежнему остается значимой константой в его письмах. Как и прежде, в благоприятный для него период, когда он сравнивал свою верность графу с верностью в браке, теперь свою связь с Шереметевым он изображает как отношения с любовником: “Я вас так много люблю и столько дорожу хорошим ко мне вашим мнением, что вы имеете власть над спокой-

ствием души моей. *Отдав-шись вам, я не могу приятно существовать при уменьшении ваших ко мне милостей*”, пишет он в апреле 1806 года (Письмо 1806а: л. 61 об.)¹⁴. Он уверен в том, что и Шереметев его “истинно любит”, и настойчиво предлагает Шереметеву вспомнить ту радость, “с какою вы надевали на меня крест, она [радость] была и будет всегда драгоценнее для меня бриллиантов и орденов”¹⁵. При этом Малиновский по-прежнему представляет связь между ними нерасторжимой, причем связующим звеном он видит покойную графиню Шереметеву. Он апеллирует к ее памяти, изображая ее ведающей “истину”, а значит, находящейся на его, Малиновского, стороне: “При душевных чувствованиях высылаю мольбы к создателю нашему о покойной графине Прасковье Ивановне. Она зрит правоту души моей и умолит мне награду свыше за истин-

¹⁴ Курсив в цитате мой. – М.Л.

¹⁵ “Крест” – это знак ордена св. Анны 2-й степени, которого Шереметев добился для Малиновского за сочиненные им устав и штат Странноприимного дома в мае 1803 г. Таким образом, Малиновский превозносит чувство, демонстрируемое патроном при награждении его орденом, над собственным чувством удовлетворения и радости от получения нового креста.

ное мое к вам усердие и нелицемерную преданность мою” (Письмо 1807а: л. 1 об.).

В критический момент своих отношений с Шереметевым, Малиновский показал, что доверяет чувствам как основному “навигатору”: “По тогдашнему чувствуваню вашему я зделал верное заключение, что вы меня истинно любите и не перестанете любить до тех пор, пока я чрез какую-нибудь гнусность не зделаюсь на себя не похожим” (Письмо 1806а: л. 60–60 об.). Поскольку последнее, в сущности, и произошло, Шереметев должен был перестать его “любить”. Следуя наставлениям письмовника, Малиновский винит во всем “клеветников” и их злословие, отказываясь признать свои прегрешения:

Дошедшия до вашего Сиятельства изветы от тех самых, кому я красть мешал, не можно было мне без прискорбия читать. Правда, что некоторые из оных указали бы мне в свое время слабая стороны, где против навычных плутов надлежало вооружаться грозою; но большая часть из 22х доносительных статей открыто на себе носят печать подущенной

клеветы. Я уверен, что пронциательность и справедливость, свойственныя Вашему сиятельству, отвратят на предбудущее время подобныя сему подыски, и честный человек, претерпевший незаслуженно укоризну, не пойдет с огорчением прочь от дома, воздвигнутаго человеколюбием добродетели (Письмо 1806в: л. 31, 22–22 об.)¹⁶.

Ср. с рекомендацией одного из письмовников того времени:

Естьли кто хочет оправдаться в несправедливом доносе, то должно впервых жаловаться на клеветников, кои нас злословят понапрасну; потом сказать, что просим проверить, что сказанное им есть одна только клевета на нас; что он сам то может узнать, естьли взойдет в некоторые обстоятельства, что мы его дружбу много почитаем; а потому никогда и помышле-

---

¹⁶ Имеется в виду Странноприимный дом графа Шереметева (листы в деле сшиты беспорядочно, поэтому нумерация сбита).

ния не имели огорчить его; что должен он изгнать из мыслей своих самое подозрение, взятое об нас, и чтоб он был впредь уверен, что мы из числа вернейших ему друзей, как и подлинно таков (Всеобщий секретарь 1796: XVII).

За пределами эпистолярия остались злость и гнев, которые Шереметев должен был испытать, когда хищения подтвердились. Можно лишь догадываться, выразил ли их Шереметев во время личной встречи с Малиновским в Петербурге в конце декабря 1806 года¹⁷. О том, в какой степени и в каком контексте приемлемо обнаруживать “крайние” эмоции, можно судить по довольно жесткому тону, в котором Шереметев описывал злоупотребления Малиновского и помощников в записке Троицкому для сообщения императору в начале 1807 года:

[...] пока строение столь не прочно производилось, и в управлении самой вотчины, (которая к

¹⁷ Малиновский упоминает предстоящий отъезд в Петербург (Письмо 1806б: л. 66) и уже состоявшееся возвращение в Москву до 7 февраля 1807 года (Письмо 1807а: л. 1).

тому дому мною вечно назначена) случилось неустройство и беспорядок от управляющих ею^{NB}, [NB: управляющий рекомендован Господином Малиновским] что навлекло невозвратного убытка до 14145 рублей, употребленных на непозволенные и даже сомнительные расходы. А в домовой моей канцелярии которая так же была под главным его Господином Малиновского надзором [...] открылось, что и ключа у сундука не было, в коем хранились деньги, не упоминая о неустройстве в делах и медленном взыскании моих интересов” (Записка 1807: л. 19–19 об.).

Шереметев использует вполне благожелательный тон в письмах к Малиновскому в феврале–марте того же года, уверяя последнего в том, что не держит зла на него. Возможно, показателем его изменившегося отношения к своему доверенному лицу можно считать полное исчезновение слова “любовь” из писем. Отныне Шереметев ограничивается более нейтральным “расположением”: “Прошедшее и настоящее время свидетель-

ствуют вам мои чувствования: я не имею ничего более к сему добавить, кроме подтверждения непреложного душевного моего расположения”, отвечал он Малиновскому (Письмо 1807б: 2 об.).

В феврале 1807 года Шереметев уведомил Малиновского о том, что собирается передать Странноприимный дом в управление другому лицу, о чем он ранее сообщил государю. Для Малиновского это был настоящий удар и, теперь уже с его стороны, разочарование в своем патроне. Большое ответное письмо Малиновского от 18 февраля 1807 года полно горьких высказываний, в которых он изображает случившееся как утрату, едва не доведшую его до безумия: “Прискорбие мое и смущение неизъяснимы; но очевидно, что все сие угодно было воле всевышняго”; “[ваше письмо] привело меня в крайнее изумление и возбудило во мне огорчительнейшия чувствования [...] с получения письма вашего я совсем лишился способности разсуждать [...] мне досталось в деле оплакивать теперь осиротелость заведения вашего”) (Письмо 1807в: л. 30–31 об.)¹⁸. Хотя он предлагает Шереме-

теву разделить с ним горечь утраты, за этим скрываются тревога и беспокойство о собственной судьбе: “В первых движениях от письма Вашего я так сильно поколебался, что готов был отказаться от должности моей; но привел себе на память: кому ж бы я мог передать то неизъяснимое чувство привязанности, тот дар небесной добродетели, которым вы меня одушевили при самом начальном учреждении сего святилища, человеколюбию воздвигнутаго Вами!” Поэтому он соглашается, оставив должность главы московской канцелярии, принять предложенную ему должность главного смотрителя Дома “с тем только, чтоб не оставлять мне службу по иностранной коллегии, как в предоставленном мною примерном докладе изъяснено” (Письмо 1807в: л. 31)¹⁹. Здесь Малиновский апеллирует к чувству *привязанности*, которое патрон питал к нему прежде и в котором он теперь считает себя вправе сомневается. Собственное чувство привязанности к своему патрону, а заодно и к его сыну, он рассматривает как средство защиты: “недостаточно я изъясняюсь для чувствования привязанности мо-

¹⁸ Курсив в цитате мой. – М.Л.

¹⁹ Курсив в цитате мой. – М.Л.

ей, если только попрошу вас поцеловать прелестного Ангела Вашего, но я желал бы, чтоб с тем вместе и все небесные дары ниспосланы были для него” (Письмо 1807д: л. 10). Ему важно подчеркнуть в критический момент, что связь между ними – не только личная, но и семейная²⁰. Через полгода эти чувства “рационализируются”: Малиновский просит Шереметева о рекомендации для себя будущему, еще не назначенному, попечителю Странноприимного дома (Письмо 1807з: л. 74–74 об.).

Еще через несколько месяцев Шереметев получил от двух помощников Малиновского, нанятых в 1804–1805 годах по его же просьбе, письма с требованиями дополнительных выплат: 3000 рублей годового жалования и 5000 рублей награждения. В начале 1807 года в записке Трощинскому Шереметев сообщил, что отказывается зачесть время, проведенное помощниками Малиновского в этой должности, в службу и рекомендовать к награде. Он предположил, что, оставшись без награжде-

ния, они потребуют от него “большой собственной моей денежной выдачи” (Записка 1807: л. 20 об.), что и произошло. Еще в 1804 году Шереметев обговаривал с Малиновским суммы вознаграждений помощникам, но в их личной переписке. Поэтому поступившее ему летом 1807 года требование помощников о выплатах открыло ему, что он обманывался, доверяя Малиновскому и считая его своим “конфидентом”. Шереметев прямо выражает ему недовольство и *разочарование* в нем как в своем клиенте: “никогда не ожидал я получить постороннее требование на такой предмет, которой вверял собственной между нами дружественной связи [...] [этому] надлежало оставаться [...] между нами, подобно как и многия другия обстоятельства, относящиеся тогдашнему управлению вашему” (Письмо 1807ж: л. 64 об.). К сожалению, ответного письма Малиновского обнаружить не удалось, но в других письмах видно, как горечь в связи с крушением значительной части его жизненного мира сменяется на раскаяние и смирение: “Виню я пред вами в дерзости выражений моих о докладе по дому Странноприимному. Простодушная моя нетерпе-

²⁰ В это время младший брат Малиновского Павел Федорович (1767–1832), директор Ассигнационного банка, выполняет обязанности воспитателя Дмитрия Николаевича Шереметева, родившегося в 1803 г.

ливість и посторонниї подстрекания, на умышленных известиях основанная, были действующими к тому пружинами. Но скоро прояснились мои понятия и следовавшее за тем раскаяние дорого стоит здоровью моему. [...] За сей неделикатный поступок мой я наказал свое самолюбие, подчинив оное строжайшим испытаниям” (Письмо 1808а: л. 5). За раскаянием у Малиновского по-прежнему скрывается беспокойство о своей судьбе, поскольку поступки его патрона более не предсказуемы, как раньше, а он сам потерял инструмент для управления ими – доверие: “Не имея счастья получить резолюции Вашего Сиятельства на многия представления мои, я терплю душевное беспокойство, недоумевая, не преступил ли я в чем воли Вашей” (Письмо 1807й: л. 79).

Разочарование друг в друге у корреспондентов сохраняется и в течение 1808 года – последнего года жизни Шереметева, однако способы его выражения меняются. Шереметев по-прежнему уверяет Малиновского в своем расположении (но не любви), обозначив конец конфликта в феврале 1808 года, чуть менее чем за год до смерти: “Я же, как и прежде, подтверждаю, что

против вас не имею ничего скрытаго, кроме всегдашняго и неперемннаго моего расположения” (Письмо 1808б: л. 7 об.). Малиновский тем временем учится демонстрировать умеренность своих запросов. В начале 1808 года он отправился с инспекцией в Молодотудскую волость – огромное имение, на доходы от которого содержался Странноприимный дом. Шереметев разрешил Малиновскому получить в домовом правлении деньги на путевые издержки, “сколько нужно будет, оставляя количество на вашу скромность”²¹. Малиновский определенно понял этот намек и не оставил его без ответа: “На дорогу в Молодой Туд полагаю самое большее препорцию двесте рублей, и то для того что возьму с собою писца своего; следовательно, и другую повоску” (Письмо 1808а: л. 6). Таким образом, он фактически признал свою вину за прежнее “нескромное” поведение, то есть растрату в московской домовой канцелярии, а для себя самого уяснил, что риторические клише письмовников, призывавшие винить во всем “клеветников” и авторов лживых “изветов”, не сработали. Обращение к ним не

---

²¹ Курсив в цитате мой. – М.Л.

предотвратило крушения той части его жизненного мира, которая была построена вокруг принадлежности к домашней клиентеле Шереметева.

В разные эпохи существуют разная “мода” на эмоции, и в соответствии с этим одни чувства выставляются напоказ, а другие тщательно скрываются. Степень, в которой приемлемо их обнаруживать, зависят от эпохи и соответствующей “моды” (Келли 2010: 77). Переписка Малиновского и Шереметева демонстрирует, что взаимные преданность и доверие друг к другу участники переписки обозначали в первый период с помощью определений из арсенала любви и интимных чувств. Переписка второго периода показывает, что корреспонденты выражали потерю доверия друг к другу не напрямую, а с помощью редукции использовавшихся ранее “крайних” положительных эмоций до более нейтрального значения – “расположения” или “привязанности”. Такие же нейтральные обозначения – например, “разочарование” – получали злость и гнев, а раскаяние и осознание вины за проступки описывались как “угнетенное” состояние, “меланхолия”.

Очевидно, что эпистолярная культура позволяла демонстрировать только часть эмоционального спектра: положительные и нейтральные эмоции. В письмах Шереметева последние служили для трансляции неудовольствия и раздражения, которое только в исключительных случаях могло прорваться наружу. В письме Малиновского мы видим также, как важное для культуры эпохи эмоциональное состояние – меланхолия – используется для сокращения социальной дистанции и трансляции раскаяния. Последние два десятилетия антропологи и историки обсуждают проблему “крайних” проявлений эмоций в эпоху сентиментализма и проблему “искренности” этих проявлений. Уильям Редди, рассматривая вопрос об эмоциональных нормах и причинах их смены, отметил, что в предреволюционной Франции чувства стали рассматриваться как новое основание для формирования социальных связей (помимо существующей иерархии) и новой социальной идентичности, а элементы сентиментального письма использовались как “эмоциональное убежище”. Таким образом, Редди поставил вопрос о политической сущности

принятых эмоциональных стандартов (Reddy 2001: 145, 148, 162–163). В России лояльность и преданность как *чувство* в следующую эпоху были взяты на вооружение самодержавием, восхвалявшим искренность, как показывает в своих исследованиях Михаил Долбилов. Самодержавие в XIX веке приняло вызов сентиментализма, чтобы говорить на одном языке со своей элитой: царские особы придерживались сентименталистской риторики в переписке, а практика их общения с советниками проникнута поиском искренности и эмоционально-

сти (Dolbilov 2017: 23–25). Этот поворот был определенно подготовлен эпистолярной культурой конца XVIII – начала XIX веков. Усвоенные образованными выходцами из непривилегированных социальных слоев рекомендации писемников, наложенные на литературные образцы и эмоциональные клише, – все вместе позволило создать специфический языковой инструментарий для диалога между лицами разного социального статуса.

Сокращения:

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)

РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)

Архивные материалы:

Донос 1806: *Историческое начертание о построении Странноприимного в Москве дома и случившихся при том упущениях и неисправности, с примечаниями на оныя*, Санкт-Петербург, РГИА, ф. 1088, оп. 14, д. 18, л. 1–35.

Записка 1807: *Записка для сведения Н.П. Шереметева Д.П. Трощинскому, январь 1807*, Санкт-Петербург, РГИА, ф. 1088, оп. 14, д. 21, л. 16–21 об.

Письмо 1802а: *Письмо Н.П. Шереметева А.Ф. Малиновскому 5 мая 1802 г.*, Москва, РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4839, л. 1–1 об.

Письмо 1802б: *Письмо Н.П. Шереметева А.Ф. Малиновскому 8 июня 1802 г.*, Москва, РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4839, л. 2–2 об.

Письмо 1803а: *Письмо А.Ф. Малиновского Н.П. Шереметеву 27 июля 1803 г.*, Санкт-Петербург, РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 608, л. 17 об.

Письмо 1803б: *Письмо Н.П. Шереметева А.Ф. Малиновскому 2 августа 1803 г.*, Санкт-Петербург, РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 607, л. 69; копия: РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4839, л. 18.

Письмо 1804: *Письмо А.Ф. Малиновского Н.П. Шереметеву 22 декабря 1804 г.*, Санкт-Петербург, РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 616, л. 8 об.

Письмо 1805а: *Письмо А.Ф. Малиновского Н.П. Шереметеву 9 февраля 1805 г.*, Санкт-Петербург, РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 616, л. 42.

Письмо 1805б: *Письмо А.Ф. Малиновского Н.П. Шереметеву 29 мая 1805 г.*, Санкт-Петербург, РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 616, л. 142 об.

Письмо 1806а: *Письмо А.Ф. Малиновского Н.П. Шереметеву 9 апреля 1806 г.*, Москва, РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4839, л. 60–61 об.

Письмо 1806б: *Письмо А.Ф. Малиновского Н.П. Шереметеву 22 декабря 1806 г.*, Москва, РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4839, л. 66.

Письмо 1806в: *Письмо А.Ф. Малиновского Н.П. Шереметеву 24 декабря 1806 г.*, Санкт-Петербург, РГИА, ф. 1088, оп. 14, д. 11, л. 31, 22–22 об.

Письмо 1807а: *Письмо А.Ф. Малиновского Н.П. Шереметеву 7 февраля 1807 г.*, Санкт-Петербург, РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 626, л. 1 об.

Письмо 1807б: *Письмо Н.П. Шереметева А.Ф. Малиновскому 7 февраля 1807 г.*, Санкт-Петербург, РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 626, л. 2 об.

Письмо 1807в: *Письмо А.Ф. Малиновского Н.П. Шереметеву 18 февраля 1807 г.*, Санкт-Петербург, РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 626, л. 30–31 об.

Письмо 1807г: *Письмо М.В. Дмитриева-Мамонова Н.Н. Новосильцеву 21 февраля 1807 г.*, Санкт-Петербург, РГИА, ф. 1088, оп. 14, д. 21, л. 9–10.

Письмо 1807д: *Письмо А.Ф. Малиновского Н.П. Шереметеву 31 марта 1807 г.*, Санкт-Петербург, РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 626, л. 10.

Письмо 1807е: *Письмо Н.П. Шереметева Н.Н. Новосильцеву 17 апреля 1807 г.*, Санкт-Петербург, РГИА, ф. 1088, оп. 14, д. 21, л. 23.

Письмо 1807ж: *Письмо Н.П. Шереметева А.Ф. Малиновскому 12 августа 1807 г.*, Санкт-Петербург, РГИА, ф. 1088, д. 626, л. 64 об.

Письмо 1807з: *Письмо А.Ф. Малиновского Н.П. Шереметеву 28 октября 1807 г.*, Санкт-Петербург, РГИА, ф. 1088, д. 626, л. 74–74 об.

Письмо 1807и: *Письмо В.Г. Орлова Н.П. Шереметеву 14 ноября 1807 г.*, Москва, НИОР РГБ, ф. 219 (Орловы-Давыдовы), картон 67, д. 29, л. 5–6.

Письмо 1807й: *Письмо Н.П. Шереметева А.Ф. Малиновскому 7 февраля 1807 г.*, Санкт-Петербург, РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 626, л. 79.

Письмо 1808а: *Письмо А.Ф. Малиновского Н.П. Шереметеву 24 января 1808 г.*, Санкт-Петербург, РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 627, л. 5–6 об.

Письмо 1808б: *Письмо Н.П. Шереметева А.Ф. Малиновскому 7 февраля 1807 г.*, Санкт-Петербург, РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 627, л. 7 об.

Письмо 1808в: *Письмо А.Ф. Малиновского Н.П. Шереметеву 21 февраля 1808 г.*, Санкт-Петербург, РГИА, ф. 1088, оп. 1, д. 208, л. 16–17.

Письмо 1785а: *Письмо А.Р. Воронцова А.С. Дьяконову 25 августа 1785 г.*, Москва, РГАДА, ф. 1261, оп. 3, д. 68, л. 2 об.

Письмо 1785б: Письмо А.Р. Воронцова А.С. Дьяконову 5 октября 1785 г., Москва, РГАДА, ф. 1261, оп. 3, д. 68, л. 4.

Письмо 1786а: Письмо А.Р. Воронцова А.С. Дьяконову 27 февраля 1786 г., Москва, РГАДА, ф. 1261, оп. 3, д. 68, л. 14.

Письмо 1786б: Письмо А.Р. Воронцова А.С. Дьяконову 23 марта 1786 г., Москва, РГАДА, ф. 1261, оп. 3, д. 68, л. 15.

Письмо 1786в: Письмо А.Р. Воронцова А.С. Дьяконову 2 июля 1786 г., Москва, РГАДА, ф. 1261, оп. 3, д. 68, л. 11 об.

Письмо 1786г: Письмо А.Р. Воронцова А.С. Дьяконову 14 июня 1786 г., Москва, РГАДА, ф. 1261, оп. 3, д. 68, л. 9.

Письмо 1788: Письмо А.С. Дьяконова А.Р. Воронцову 25 ноября 1788 г., Москва, РГАДА, ф. 1261, оп. 3, д. 541, л. 20. ‘

Библиография:

Dolbilov 2017: Dolbilov, Mikhail. 2017. ‘Loyalty and Emotion in Nineteenth-Century Russian Imperial Politics’ в *Exploring Loyalty*, ed. by Jana Osterkamp and Martin Schulze Wessel (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht), 17–43.

Frevert 2013: Frevert, Ute. 2013. ‘„Herr über die Herzen“? Friedrich II. im Zeitalter der Empfindsamkeit’, *Prace Historyczne*, 140, 3: 229–250.

Golburt 2015: Golburt, Luba. 2015. *Vasilii Petrov and the Poetics of Patronage*, Вивлююика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies, 3: 47–69.

Houdt, Papy 2002: Houdt, van, Tood and Papy, Jan. 2002. ‘Introduction’ в *Self-presentation and Social Identification. The Rhetoric and Pragmatics of Letter Writing in Early Modern Times*, ed. by Tood van Houdt, Jan Papy, Gilbert Tournoy and Constant Matheussen (Leuven: Leuven University Press), 1–15.

Kettering 1986: Kettering, Sharon. 1986. *Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France* (New York: Oxford University Press).

Lavrinovich 2018: Lavrinovich, Maya. 2018. ‘The Servant of Two Masters? The Role of Patronage and Clientage in the Career Strategies Of a Moscow Official In the Late 18th and Early 19th Centuries’, *Cahiers du Monde Russe*, 2018, LIX, 1: 7–36.

Lavrinovich 2020: Lavrinovich, Maya. 2020. ‘A Retired Brigadier Caught between Feelings and Social Hierarchy. The Concept of Friend-

ship in a Late 18th-Century Epistolary Exchange', *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2020, XXI, 2: 293–317.

Lieven 1992: Lieven, Dominic. 1992. *The Aristocracy in Europe, 1815–1914*, (London, MacMillan).

Reddy 2001: Reddy, William M. 2001. *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions* (Cambridge: Cambridge University Press).

Виноградов, Березовский 1910: *Странноприимный дом графа Шереметева в Москве 1810–1910 гг.*, сост. Алексей Виноградов и Сергей Березовский (Москва: б. и.).

Всеобщий секретарь 1796: *Всеобщий секретарь или Новый и полный письмовник, содержащий в себе письма: известительныя, совет подающия, обличительныя, повелительныя, просительныя, рекомендательныя, представляющия услугу, жалобу содержащия, выговорныя, извинительныя и пр.* Ч. 1 (Москва: Университетская типография у Ридигера и Клаудия).

Дмитриева 1986: Дмитриева, Екатеринв. 1986. 'Русские письмовники середины XVIII – первой трети XIX в. и эволюция русского эпистолярного этикета', *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, 1986, XLV, 6: 543–552.

Долгова 1992: Долгова, Светлана. 1992. 'Алексей Федорович Малиновский' в Малиновский, Алексей. *Обозрение Москвы* (Москва: Московский рабочий), 176–234.

Долгова 2002: Долгова, Светлана. 2002. *Княгиня Е.Р. Дашкова и семья Малиновских* (Москва: Древлехранилище).

Зорин 2016: Зорин, Андрей. 2016. *Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века* (Москва: Новое литературное обозрение).

Келли 2010: Келли, Катриона. 2010. 'Право на эмоции, правильные эмоции: управление чувствами в России после эпохи Просвещения' в *Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций*, под ред. Яна Плампера, Шаммы Шахадат и Марка Эли (Москва: Новое литературное обозрение), 51–77.

Лавринович 2016: Лавринович, Майя. 2016. 'Как поссорились Николай Петрович с Алексеем Федоровичем: патрон - клиентские отношения в русском обществе рубежа XVIII – XIX вв.', *Российская история*, 3: 91–110.

Лавринович 2020: Лавринович, Майя. 2020. 'Письма А.Ф. Малиновского к графу Н.П. Шереметеву (1800-е гг.) как попытка автобиографии', *AutobiografiЯ*, 10: 65–82.

Орлов 1844: Орлов, Иван. 1844. *Историческое описание Московской Троицкой церкви, что в Троицкой, с ее приходом, составленное сей церкви священником* (Москва: б. и.).

Плампер 2018: Плампер, Ян. 2018. *История эмоций* (Москва: Новое литературное обозрение).

Старцев 1990: Старцев, Абель. 1990. *Радищев. Годы испытаний: Очерки* (Москва: Советский писатель).

Хоскинг 2016: Хоскинг, Джеффри. 2016. *Доверие: история* (Москва: РОССПЭН).

Юханнисон 2011: Юханнисон, Карин. 2011. *История меланхолии: о страхе, скуке и чувствительности в прежние времена и теперь* (Москва: Новое литературное обозрение).